
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

А. В. НИКАНДРОВ

ДИСКУССИЯ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ 1950 Г. И СОВЕТСКИЙ «ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МАРКСИЗМ»*

Статья посвящена анализу политических аспектов «Нового учения о языке» Н. Я. Марра и выяснению причин открытия «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. и личного участия в ней И. В. Сталина. Автор показывает, что основные положения марризма к концу 1940-х гг. вступили в резкую конфронтацию с политическими и геополитическими установками советской политики и советской идеологии. Но это несоответствие не является единственной и основной причиной разгрома марризма, осуществленного И. В. Сталиным в ходе лингвистической дискуссии. Суть проблемы заключена в необходимости показательного «идейного процесса» над теорией, выступающей за классовость языка, отрицающей существование общенародных языков, призывающей к «языковой революции». Целью показательного разоблачения марризма как антимарксистского направления советской лингвистики была демонстрация поворота советского «государственного марксизма» к принципам общенародного единства и всенародного государства. Именно эта цель определила личное участие И. В. Сталина в дискуссии и написание им специальных работ по языкознанию.

Ключевые слова: язык, марксизм, языкознание, советский «государственный марксизм», марризм, пролетарский интернационализм, И. В. Сталин, Н. Я. Марр.

The article is devoted to the analysis of political aspects of Nikolai Marr's "New Teaching on Language" and the reasons for the opening of the "free discus-

* **Для цитирования:** Никандров А. В. Дискуссия по языкознанию 1950 г. и советский «государственный марксизм» // *Философия и общество*. 2024. № 1. С. 5–27. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.01.

For citation: Nikandrov A. V. The Linguistics Debate of 1950 and Soviet 'State Marxism' // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2024. No. 1. Pp. 5–27. DOI: 10.30884/jfio/2024.01.01 (in Russian).

Философия и общество, № 1 2024 5–27

DOI: 10.30884/jfio/2024.01.01

sion on problems of linguistics” in 1950 and the personal participation of Joseph Stalin. The author shows that the main provisions of Marrist theory by the end of the 1940s entered into sharp confrontation with the political and geopolitical imperatives of Soviet policy and Soviet ideology. But this discrepancy is not exclusive and main reason for Stalin’s defeat of Marrism during the linguistic discussion. The essence of the problem lies in the need for a demonstrative “ideological process” over the theory that advocates the class nature of the language, denies the existence of national languages, and calls for a “language revolution”. The purpose of demonstrative exposure of Marrism as an anti-Marxist direction of Soviet linguistics was to show the turn of Soviet “state Marxism” towards the principles of nationwide unity and the nationwide state. This goal determined Stalin’s personal participation in the discussion and his writing of special works on linguistics.

Keywords: language, Marxism, linguistics, Soviet “state Marxism”, Marxism, proletarian internationalism, Joseph Stalin, Nikolai Marr.

Причины вмешательства И. В. Сталина в дискуссию по языкознанию: постановка проблемы

Весной – летом 1950 г. по инициативе газеты «Правда» состоялась «свободная дискуссия по вопросам языкознания», кульминацией которой стал выход работ И. В. Сталина. Вступление вождя в дискуссию по языкознанию было совершенно неожиданным для всех – и для ученых, приглашенных к участию в ней, и для всего советского народа, который пребывал в состоянии крайнего недоумения с самого начала дискуссии. Аналогом по охвату и интенсивности, но не по ясности для народа, могло быть разве что всенародное обсуждение проекта Конституции 1936 г. Во вторник 20 июня «Правда» поместила очередные материалы в рамках дискуссии, привычные две статьи, одна из которых называлась «Относительно марксизма в языкознании». Автором был глава Советского государства и Коммунистической партии. Как тогда говорили, «великий Сталин нанес сокрушительный удар учению Н. Я. Марра». Лингвист С. Б. Бернштейн через месяц напишет в дневнике: «Шум от статей Сталина по вопросам языкознания велик. Шумят не только лингвисты, но и археологи, этнографы, историки и даже философы. Интерес к языкознанию огромный. Думаю, что за всю историю языкознания в нашей стране не было такого лингвистического бума» [Бернштейн 2002: 153].

Сталинские работы по языкознанию стали событием огромной важности не только для советского языкознания и советской науки в целом – они повлияли на всю общественно-политическую мысль,

и это влияние распространилось далеко за пределы сталинской эпохи. И поныне история внедрения в советское языкознание «Нового учения о языке» Н. Я. Марра; процесс его распространения и принуждения ученых к принятию марризма в качестве «философии языкознания», «марксизма в языкознании»; затем резкое отбрасывание основных принципов марризма Сталиным и последующее полное стирание «Нового учения» и его следов в советской лингвистике – вся эта последовательность событий продолжает привлекать внимание исследователей, обрастать литературой, возбуждать споры и дискуссии. Не ослабевает интерес исследователей и к учению Н. Я. Марра, к его существу, нюансам и коллизиям; к работам марристов и критиков марризма разных лет.

Дискуссия по языкознанию стала первой из двух научных дискуссий, в которых принял участие лично И. В. Сталин. И это была не просто дискуссия, а целый комплекс мероприятий, общее руководство которым осуществлялось Сталиным; ему же принадлежали замысел и инициатива проведения дискуссии, он осуществлял контроль за всем ее ходом. По своему размаху лингвистическая дискуссия была настоящей феерией, а выступление Сталина по эффекту можно уподобить разве что вмешательству Эмиля Золя в «дело Дрейфуса», когда 13 января 1898 г. был опубликован его знаменитый манифест “J'accuse!..” («Я обвиняю!»), и Париж, да и вся тогдашняя Франция была накрыта, как тогда говорили, «бурей Дрейфуса». Главная загадка «лингвистической бури», почему она и стала собственно «бурей», – это причина личного участия Сталина и появления его работ.

На идейную жизнь СССР в период позднего сталинизма большое, если не определяющее влияние оказывали два культурных феномена, два метода трансляции политических императивов партии. Первым были политико-идеологические кампании, например борьба с низкопоклонством перед Западом и с космополитизмом. Другим методом руководства советской культурой и общественным сознанием (и уже во вторую очередь – наукой) были «творческие научные дискуссии». Общий смысл кампаний и дискуссий состоял в идеологическом сопровождении утверждения советского патриотизма; внедрения антизападных (в том числе антиамериканских) установок в общественно-политической мысли СССР; установления в ней новой общесоветской биполярной картины мира, нового мировидения, соответствующего геополитической обстановке второй половины XX в. Их конкретная цель состояла в гло-

рификации Советского государства и социализма; проще говоря, в оформлении и утверждении советского государствоцентризма. Установление государствоцентризма для общественно-политических наук означало, помимо прочего, еще и то, что партийность науки, равно как и партийность вообще, начинает пониматься не как классовость, но как соответствие интересам государства (ведь *партия* была в Советской стране демиургом и основой государства); а конкретно для науки также и то, что «панклассовая» леворадикальная трактовка партийности науки больше не имеет силы.

На фоне научных дискуссий выделяются две, которые справедливо следует полагать главными: по языкознанию 1950 г. и по политэкономии 1951 г. Их объединяет личное руководство и участие И. В. Сталина, причем сталинское *auctoritatis interpositio* манифестировалось как выход его специальных работ по языкознанию и политэкономии, которые стали итогами двух дискуссий и решением выдвинутых проблем. Политэкономия в СССР являлась областью высокой полемической напряженности, дискуссионности. Стояла задача разработки общей теории социализма в развернутом виде, с учетом обобщения уже накопленного опыта и образования после войны мировой системы социализма. Такой теории, «канона социализма», в строго разработанном виде к моменту дискуссии 1951 г. еще не было создано, – при том, что о построении социализма в СССР было объявлено в 1936 г. (как раз в этом году и развернулись политэкономические дебаты).

Личное участие И. В. Сталина, «закрытие» острых проблем в языкознании и политэкономии, приведение противоборствующих позиций к «единому знаменателю» отчетливо вели к снижению идеологической напряженности в этих и других общественных науках; к снижению идеологического давления в науке в целом. Сдержанностью тона, стоическим спокойствием, подчеркнутым отстранением от высокомерия Сталин как бы показывал пример для научной аудитории, призывая ученых и идеологов к спокойствию и корректности, представляя новый стиль общения и научного творчества, свободный от апробированного его же «идеологическими соколами» стиля истерии и ожесточенности с призывами к разгромам и разоблачениям и зачастую печальными итогами для ученых.

Новый способ преодоления групповых разногласий в науке, заключающийся в установлении консенсуса, основанного на нормативной системе взаимодействия науки и власти, в которой инициа-

тива исходит от власти (партии, ЦК), устанавливающей только базовые принципы в данной сфере своего действия, является своего рода «путеводной звездой». При этом определялись пределы действия идеологии, которая способна вмешиваться в любую науку и не может в этом сама себе полагать пределы; принципы разграничения идеологии и науки, – получалась в итоге «диархия царства и священства» в духе византийской симфонической модели. Понимали ли это ученые, и если понимали, то какие выводы они делали для себя? Вот что сказал после выхода сталинских работ по языкознанию лингвист Т. П. Ломтев своему коллеге С. Б. Бернштейну: *«Я всегда стою на позиции партии. До выступления тов. Сталина позиция партии в языкознании состояла в признании “нового учения о языке”. Теперь начинается новый этап, этап сталинский. Я вместе с партией перехожу на этот новый этап»*. И добавил: *«Тебе жить труднее, так как у тебя нет путеводной звезды, за которой бы ты шел бездумно»* [Бернштейн 2002: 151]. «Бездумно» здесь означает то, что ученому не нужно утруждать себя раздумьями над существом, нюансами и изменениями партийной линии, которую следует просто *выдерживать*, принимая ее как данность, работая в своей сфере, соблюдая общую корректность и сдержанность, но не проявляя *обязательного* резонерства в проведении «линии партии».

Надо сказать, что большинство советских ученых, и не только лингвистов, были благодарны Сталину за снятие жестких идеологических требований в науке. Однако некоторое оздоровление идеологической атмосферы едва ли являлось главной целью вождя Страны Советов. Каковы были глубинные политические мотивы, двигающие Сталиным и определившие его личное участие в сугубо научной дискуссии; какие цели он ставил и какого результата достиг? Зачем сверхзанятому человеку было организовывать дискуссию, отслеживать и контролировать ее ход, вникать в проблемы науки, достаточно далекой от идеологии, писать труды по языкознанию?

Предлагаемая формулировка проблемы состоит из ее разбивки на две подпроблемы: 1. Почему резко контрастирующие не только с научным подходом, но и со здравым смыслом базовые положения марксизма, а именно принципы (точнее, идеологемы), долгое время считались соответствующими марксизму, а основанное на них учение принималось как «марксизм в языкознании»? 2. По какой причине такое положение оказалось в один момент настолько непри-

емлемым, что его разгром стало необходимо провести максимально показательно и эффективно? Иными словами, почему для установления того *факта*, что учение Марра не является марксистским, потребовалось личное вмешательство действующего классика марксизма?

К языку, а уж тем более к такой частной науке, как языкознание, Сталин относился как политик, то есть с прагматико-политической точки зрения. В этом он следовал учителям марксизма: «Пристальное внимание классиков марксизма-ленинизма к языку есть явление не филологии, а политики. Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин подходят к языку не как кабинетные ученые лингвисты, а прежде всего как политики, идеологи, понимающие исключительную идейно-политическую силу языка» [Язык... 1941: 21].

Советская общественно-политическая наука в сталинские времена, да и позже, вплоть до ухода СССР в историю, не могла развиваться без инициативы действующего руководителя, который был арбитром идейных разногласий и разночтений в марксизме. В идеократическом государстве иначе и быть не может: в СССР с идеологией дело обстояло примерно так же, как в Византийской империи, когда императоры (например, Константин Великий, Юстиниан Великий) сами руководили разработкой догматики. Ведь если решения о формулировке догматических положений предоставить богословам (идеологам), то ничего, кроме ожесточенных споров и противостояний группировок, перетекающих в политическое противоборство, не выйдет. Любое положение без труда может быть обосновано как истинное, а дискуссии сами по себе не приведут к однозначным выводам.

В. В. Виноградов в одной из работ, вышедших после дискуссии, подвергает учение Марра справедливой критике, вскрывает его несоответствие марксизму, – и заключает: «Но если бы не появились гениальные работы И. В. Сталина, сама по себе дискуссия многого не решила бы» [Виноградов 1950: 17]. А. С. Чикобава, размышляя над проблемой классовости языка, не может обойтись без обращения к Сталину: «Является ли язык классовым в классовом обществе? Ответ товарища Сталина гласит: нет, не является» [Чикобава 1950: 41]. То есть важна не истинность или ложность утверждения о классовости языка, установленная методами науки, обращением к трудам классиков марксизма, а «ответ товарища Сталина». Ученый будет вспоминать: «В начале апреля 1950 г. меня предупредили из директивного органа нашей Республики, что на

днях мне предстоит поездка в Москву: “Вопросы языкознания будут там обсуждаться с *секретарями* ЦК, и Вам следует подготовиться”» [Чикобава 2002: 510]. А вот пример из области философии: «Центральный Комитет партии, – вспоминает А. Д. Косичев, – вмешивался в решение специфических, социальных вопросов философии и логики, выступая в качестве своеобразного философского арбитра. Так, в июле 1951 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова поступило большое письмо по спорным проблемам логики... Маленков считал, что даже спорные вопросы логики должны решаться в ЦК ВКП(б)» [Косичев 2003: 222–223]. Правильность того или иного положения с точки зрения марксизма определяется не цитатами из соответствующих текстов, а «решениями ЦК», ведь дело заключается вовсе не в марксизме, а в «линии ЦК».

И. В. Сталин считался классиком и корифеем марксизма, который был единой философией, основой мировоззрения советского народа и полагался руководством для советской политики. Но к марксизму – и как к социально-политической теории, и как к идеологии – Сталин относился прагматически, инструментально. Интересы государства стояли несопоставимо выше «интересов теории», так что марксизм, поставленный Сталиным на службу СССР, стал идейным и идеологическим орудием государства, «государственным марксизмом». Поэтому когда относительно учения Марра или другой концепции советской эпохи спрашивают, является ли она марксистской, – следует поставить вопрос, насколько она соответствует «государственному марксизму».

Советский «государственный марксизм» между интернационализмом и государствоцентризмом

«Государственный марксизм» СССР – это идейная система, являющаяся фундаментом теории социалистического государства и государственной идеологии. В ее основе лежит универсалистская концепция истории, созданная К. Марксом и Ф. Энгельсом («исторический марксизм», «исходный марксизм»), развитая и обоснованная применительно к первому государству победившего социализма В. И. Лениным и И. В. Сталиным. В целом эта идейная система представляет собой свод аксиоматических положений о Советском государстве, его месте в мировой истории и политике, которые необходимым образом носят установочный характер.

При конструировании теории социалистического государства с обязательным использованием марксистской классовой термино-

логии неизбежно возникали неустрашимые сложности, отражающие коллизии марксистского пролетарского интернационализма, основанного на классовом подходе, и общенародных оснований любой теории государства. Для репрезентации СССР как политики, развивающейся по имперскому типу и транслирующей свои принципы и призывы *urbi et orbi*, был необходим марксистский мессианиззм, «пролетарский глобализм»; но для СССР как государства, имеющего границы и источник – советский народ, – необходимо было использовать соответствующие концептуальные основания, обращаться к идеям государствоцентризма. Поэтому конструкторы советского «государственного марксизма», прежде всего И. В. Сталин, с начала 1930-х гг. творчески развивали марксизм, «дополняя» его интернационалистское содержание руссоистскими мотивами и концептами, что со стороны могло выглядеть как неправильное обращение с исходной теорией, да, впрочем, по отношению именно к *теории* таковым и было. Так, к примеру, Д. С. Хмельницкий эмоционально пишет, что, мол, «1930–1931 годами можно датировать конец в СССР коммунистической идеологии в ее марксистских догматических вариантах. С этого момента Сталин делал с марксизмом все, что хотел. Мяс, выворачивал наизнанку, лепил из него любую выгодную в данный момент конструкцию» [Хмельницкий 2006: 35]. Если отбросить эмоции и ригоризм, то придется признать правоту автора. Но с какой же целью Сталину совершать все эти действия, явно требующие энергии и времени?

Как, в самом деле, основываясь на марксистских догматах мировой революции и всемирного государства диктатуры пролетариата, непротиворечиво создать теорию отдельного, состоявшегося государства победившего социализма, прошедшего «переходный период» и находящегося в начале своего уже социалистического пути? Как составить на основе данной теории конституцию этого государства, чтобы избежать противоречий? Основанием конституции государства, источником власти и права может быть только народ, – соответственно, Советское государство, в котором был преодолен классовый антагонизм, должно быть общенародным. Марксистская теория не предлагает возможности такой конструкции: ее «герой», источник власти и прогресса, движущая сила истории – пролетариат, совокупный пролетариат разных стран и их народов, к этим народам и государствам не имеющий сущностного отношения, наоборот, преодолевающий в едином «государстве

диктатуры пролетариата» все государственные и национальные границы и различия.

Приходилось прибегать к риторическим приемам: замена слов, введение новых концептов, использование квазимарксистской риторики. Такая риторика позднее и оценивалась как «искажение» или «деформация» марксизма, но скорее марксизм не столько искажался, сколько запутывался: возводился словесный барьер, искажающий понятийный узор, создающий видимость ясности, стройности и логичности марксистских конструкций при первом взгляде. Стоило более внимательно вчитаться в советские тексты, как такое впечатление рассеивалось. Особенно хорошо это просматривается, если прочитать три первые статьи Конституции 1936 г.

Обладателями всей власти в СССР в Конституции 1936 г. полагаются «трудящиеся города и деревни» (ст. 3), а сам СССР при этом объявляется, согласно ст. 1, «социалистическим государством рабочих и крестьян». Не забыта и диктатура пролетариата: она представлена как почва, условие для роста и укрепления Советов депутатов трудящихся, составляющих политическую основу СССР (ст. 2). Есть государство, есть субститут народа – трудящиеся; но присутствуют и классы, и диктатура пролетариата (хотя последняя – не в актуальном, а как бы в «снятом» состоянии). «Трудящиеся города и деревни» при этом не отождествляются с «рабочими и крестьянами». Формула Конституции СССР «социалистическое государство рабочих и крестьян» не говорит ничего конкретно о сущности государства, позволяя трактовать диктатуру пролетариата и как сущность государства, и как политический режим и не препятствуя также трактовать СССР как всенародное государство (при отождествлении трудящихся и народа).

Современники замечали такие противоречия. Мариэтта Шагинян, на тот момент – депутат Моссовета, пишет: «Некоторых читателей смущают три первые статьи первой главы Конституции. В первой статье – у нас государство *рабочих и крестьян*, во второй – у нас советы депутатов *трудящихся*, в третьей – вся власть у нас принадлежит *трудящимся города и деревни*. Некоторые воспринимают это как разночтение и предлагают всюду ставить одно определение: “трудящиеся”» [Шагинян 1936: 90–91].

После принятия Конституции 1936 г. в советском политическом языке все больше используются понятия «советский патриотизм», «советский народ» и «советская демократия»: народная риторика в советском политическом дискурсе плавно заменяла классовую

вую в полном согласии с изменяющимися приоритетами советской политики. Советский Союз, не переставая считаться диктатурой пролетариата, в политической литературе все чаще именуется «подлинно народным государством». После войны риторика «подлинной народности» и советского демократизма усилилась. На всем протяжении сталинской эпохи СССР парадоксальным образом представлялся одновременно и как «подлинно народное государство», и как государство диктатуры пролетариата. Понятно, что после войны называть государство диктатурой, пусть и пролетариата, было нецелесообразно. Однако только в принятой XXII съездом новой Программе КПСС диктатура пролетариата официально стала достоянием истории, а СССР был объявлен общенародным государством. Известно, что «хрущевская» программа КПСС 1961 г. составлена на основе сталинского проекта 1947 г., в котором провозглашалось, что СССР стал подлинно всенародным государством.

Геополитические реалии биполярного мира, складывающиеся после войны, казалось бы, куда как больше соответствуют базовому марксистскому мировоззрению, нежели только одно социалистическое государство. Два мировых лагеря, противостоящих друг другу, две системы – социализма и капитализма, – такая ситуация, конечно, больше согласуется с марксистским мировоззрением. Мотивы пролетарского единства отступают перед мотивами единства на основе славянской общности при лидерстве русского народа, глорификация которого получает особый импульс в 1945 г. Руссоцентризм, достигший полной силы к 1947 г., плавно сменяется риторикой советского народа, которая в большей степени могла быть совмещена с интернационалистскими принципами. Постепенно устанавливается баланс интернационализма и великодержавности.

«Новое учение о языке» в советском языкознании до дискуссии 1950 г.

«Новое учение о языке» Н. Я. Марра, которое сам ученый и его адепты считали единственной научной версией марксизма в языкознании, в начале 1930-х гг. становится очень влиятельной идеологической силой, стремящейся подчинить советское языкознание, стать его единственной марксистской методологией, практически картиной мира советских языковедов-марксистов. Говорить «сила», а не «учение», более логично, так как какого-то не то чтобы стройного, но хотя бы по виду логичного учения Марр и марристы создать не могли. Причиной было то, что основные идеи Марра явля-

лись фантастическими гипотезами, мало связанными между собой и имеющими отдаленное отношение собственно к языкознанию. Компенсацией научной несостоятельности и подчас нелепости отправных положений марризма, которые были очевидны и которые невозможно было скрыть, стали пролеткультовская риторика и наступательность, пафос классовой борьбы, которую якобы ведет Марр во главе яфетидологии против буржуазной лингвистики.

«Крик и шум, треск и барабаны, а не наука», – так отзывался о марризме в целом С. Б. Бернштейн [2002: 147]. По рассказу антимарриста П. С. Кузнецова, один из прозелитов марризма В. Б. Аптекарь однажды угрожающе предупредил тех, кто не соглашался встать под знамена «Нового учения»: «А кто подымет голову – по голове палкой!» [Кузнецов 2003: 188.] Г. А. Ильинский, противник марризма, считавший это учение «бредом сумасшедшего» и «своеобразной смесью невежества, святой наивности и самой дикой фантазии», в 1929 г. писал: «Я не вижу никакого торжества яфетической теории. Напротив, тот факт, что ее приходится вколачивать палкой и путем какого-то своеобразного террора, показывает, что дела ее плохи. Истина не нуждается для своего распространения в такого рода позорных средствах» [Робинсон 2004: 159]. Однако годом раньше он же предсказал, что «эта сплошная ерунда будет у нас, вероятно, скоро объявлена общеобязательной для всех лингвистов “православной системой языкознания”, и горе тем, которые позволяют назвать эту “теорию” ее настоящим именем» [Там же: 154]. Так вскоре и вышло: «Марристы, – пишет М. Ю. Досталь, – оказались организационно сильнее и постепенно оттеснили и дезавуировали соперников, присвоив себе право именоваться единственно “истинными” и правоверными марксистами в языкознании» [Досталь 2009: 276].

С какого момента марризм обретает сильное влияние? В 1930 г. Н. Я. Марр выступил на XVI съезде ВКП(б) – именно тогда, по словам В. М. Алпатова, «поднялась звезда Марра. Дважды, в отчетном докладе и в заключительном слове по этому докладу, Сталин повторил один из постоянных тезисов Марра: “В период победы социализма в мировом масштабе... национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым”. <...> После этого марристы имели все основания считать, что их учение получило высочайшую поддержку...» [Алпатов 2018: 93–94]. А. М. Деборин, который, по всей логике событий, примкнул к марристам

не по убеждениям, а из желания как-то удержаться после известного разгрома «меньшевистствующего идеализма» 1930–1931 гг., в 1935 г. «констатирует»: «Мы стоим на той точке зрения, что это учение способно оплодотворить науку о мышлении, стало быть, философию, и поэтому считаем необходимым теснейший союз *философии с яфетидологией*, как общей теорией языкознания, бросающей ослепительный свет на теорию и историю познания» [Деборин 1935: 8–9].

Однако с начала 1930-х гг. идет отсчет «сталинского поворота» к идеям государствоцентризма, «национал-большевизма», и эта тенденция к 1936 г. вытесняет «мировой революционаризм» на периферию советской идеологии. В свете таких изменений учение Марра, как раз основывающееся на интернационалистских идеях, незаметно для марристов перестает соответствовать новой «генеральной линии». В сфере исторической науки была разгромлена школа М. Н. Покровского, которая, даже с учетом отмеченной напористости марризма, была не в пример агрессивнее. На короткое время покровщина практически подчинила себе советскую историческую науку, и дело фактически шло к ликвидации истории как науки, – только вмешательство Сталина положило конец покровщине. С марровщиной (именно так будут именовать марризм после дискуссии 1950 г.) – в сущности, таким же вульгарным социологизмом – подобного не случилось, ведь лингвистика, в отличие от истории, не стала тогда предметом внимания советского руководства, – так что «Новое учение» продолжало быть самым влиятельным направлением советского языкознания. При этом марризм как идеология выходил далеко за пределы лингвистики, являясь не просто влиятельным направлением языкознания, но своего рода марксистской металингвистикой, по выражению Б. А. Серебренникова, «абсолютным гиперисторизмом».

Хотя марризм все-таки не стал общеобязательной методологией языкознания, он серьезно приблизился к этому статусу; во всяком случае, усилия марристов привели к тому, что с середины 1930-х гг. никто не выступал с критикой, полагая, что безопаснее промолчать, соблюдая словесные «приличия». Впрочем, в период со смерти Марра и до конца 1940-х гг. обстановка в языкознании была относительно приемлемой: в случае если марристы требовали от кого-либо демонстрации «верности» своему учению, то приходилось ее имитировать.

Простого признания и соблюдения внешних приличий марристам было мало и, начиная с 1946–1947 гг., когда была восстановлена работа Института языка и мышления, они попытались воплотить до конца идею о том, что «советское языкознание должно возглавляться учением Марра» [Кузнецов 2003: 231]. Августовская (1948 г.) сессия ВАСХНИЛ, по всей видимости, стимулировала амбиции марристов; им показалось, что пришло время наступления на всех, кто не принимал всерьез «руководящие мысли Н. Я. Марра». Они усиливают свою наступательную активность, и 1949–1950 гг. прошли под знаком навязывания «Нового учения» всем лингвистам и нападений на тех, кто этим учением не проникся. По словам М. Ю. Досталь, «к концу 1949 г. культ Марра достиг своего апогея. С начала 1950 г. началось административное преследование тех, кто еще не “покаялся” в отступлении от его “учения”» [Досталь 2009: 292].

Последние годы усиливающегося давления марризма можно было бы назвать годами «лингвистического террора», если бы не впечатление того, что все порывы марристов сводились только к агрессивной риторике и не приводили к каким-то серьезным последствиям и сдвигам (при этом было бы неправомерно отрицать тот факт, что их атаки принесли немало бед многим ученым-лингвистам). Вспышки «праведного» гнева, экзальтированные всплески возмущения тем, что такой-то ученый несерьезно относится к той или иной «истине» марризма, разоблачительные статьи и выступления – все эти «удары» направлялись как бы в пустоту, не встречая подкрепления «сверху», ответных одобряющих шагов и жестов со стороны идеологического руководства.

Опасения советского руководства были логичны: космополитичность и антипатриотизм марризма, как бы ни пытались его адепты представить Марра патриотом, а себя – разоблачителями космополитизма в лингвистике, скрыть было сложно. Интересно, что марристы все же пытались увязывать «Новое учение» с советским патриотизмом, однако получалось у них плохо. Например, в 1950 г. успела выйти промарристская брошюра И. И. Цукермана, который, хотя и утверждает, что «материалистическое учение Н. Я. Марра органически связано с идеями советского патриотизма. Нельзя понять нового учения о языке, не уяснив образа Н. Я. Марра как советского патриота» [Цукерман 1950: 4], не то что не доказывает это, но даже и не пытается этого сделать. В конце работы И. И. Цукерман косноязычно, вынужденно, одной только строкой

признает: «Русский язык, язык, в формах которого воплощены гениальные мысли Ленина и Сталина, есть наиболее передовой язык мира» [Цукерман 1950: 54]. Несложно представить, каких усилий стоит автору помимо своей воли пойти на вынужденный компромисс с политической ситуацией, буквально выдавливая из себя нечто позитивное о русском языке и о патриотизме.

В чем же состояла «марксистскость» «Нового учения о языке», почему оно поначалу было «марксизмом в языкознании», а потом перестало им быть? Верно ли, что марризму были свойственны космополитичность и антипатриотизм (с точки зрения изначального марксизма «грехами» не являющиеся)? Почему марристам не удалось откорректировать свое учение с учетом изменившихся политических реалий?

Политические аспекты марризма

Гротескные и бессистемные построения Н. Я. Марра были лишены логичности и доказательности, – его учение, в отличие от марксизма, не было системой, поэтому история «скрещения» марризма с марксизмом была историей не научного синтеза, но, скорее, совмещения и взаимоусиления некоторых *идеологических* интуиций, когда оказалось, что определенные принципы видения языка Марра вполне совпадают с историософским пафосом пролетариата, мировой пролетарской революции и «классового панлогизма» мировидения К. Маркса и Ф. Энгельса. Это – марровские идеологемы в стиле классового экстремизма А. А. Богданова и В. М. Шулятикова, оказавшиеся понятными и востребованными советской культурой и мыслью, в которой вплоть до середины 1930-х гг. властвовали идеи мировой пролетарской общности и грядущей всемирной диктатуры пролетариата. «Революционная антиимпериалистическая риторика, с ее образом пролетариата, не имеющего отечества, – замечает Б. М. Гаспаров, – сыграла роль горячего материала, подброшенного в пылающий костер библейского и евангельского пафоса, с самого начала характеризовавшего и суть идей Марра, и манеру их изложения. Сам Марр заявлял о своем “учении” как о лингвистическом аналоге пролетарской революции с полной недвусмысленностью...» [Гаспаров 2021: 116].

В принципе, марровский «марксизм» не был так уж далек от исторического, – во всяком случае, он отстоял от него не больше, чем сталинский «государственный марксизм», а некоторые исследователи утверждают, что марризм своим пролетарским пафосом

гораздо ближе к подлинному марксизму. Догмы классовости языка, отрицание общенациональных языков были как нельзя более близки этим умонастроениям; даже расширительное толкование Н. Я. Марром понятия «класс» и его тезис о классах в первобытном обществе вполне вписывались в панкласовое мировидение 1920-х гг. и воспринимались как адекватный ответ на «заказ пролетариата» (выражение А. М. Деборина). «Марр ориентировался на представления именно 20-х годов, когда ждали скорой мировой революции, построение коммунизма казалось делом близкого будущего и многие всерьез надеялись успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке...» [Алпатов 2010: 448].

Превращение «яфетической теории» в «Новое учение о языке», «марксизм в языкознании», – не одномоментный акт, а длительный и трудный процесс. Замысел создания «Нового учения» принадлежит Марру, однако его роль в «скрещении» марксизма и яфетидологии не следует преувеличивать: сложно, в самом деле, представить, чтобы Марр, с его не слишком обширными познаниями в марксизме и отнюдь не восторженным отношением к этому политическому учению, серьезно изучил его и на основе синтеза с ним своих положений создал «марксизм в языкознании».

Безусловно, некоторые одиозные положения «яфетической теории» мешали созданию относительно убедительной политической концепции, и после смерти Марра последователям приходилось лавировать, нивелируя некоторые «открытия» учителя. Поэтому речь следует вести о коллективном и непрерывном создании «Нового учения о языке»; и многие из тех, кого называют марристами, как если бы они были *последователями* созданного лично Марром учения, на деле были *участниками* создания «Нового учения о языке». При этом сложно отделить просто адептов, «глашатаев» и защитников от концептуальных соавторов. Например, поклонник Марра историк античности С. И. Ковалев составил своего рода апологетический доклад «Марксизм и яфетическая теория», с которым выступил в Яфетическом институте в 1928 г. Однако этот доклад был не изложением теории марризма, но скорее пролегоменами к ней: сам Марр приводит тезисы С. И. Ковалева в «Общем курсе учения о языке» [Марр 1936: 111–119]. Тезис № 38 – «Марксизм не имеет собственной специально-языковой теории» [Марр 1936: 114] – звучит как постановка задачи создания такой теории. Другой пример – один из первых пропагандистов марризма эсперантист А. П. Андреев, автор работы «Революция языкознания» [Андреев

1929], вошедшей, безусловно, в «сокровищницу марризма». Спорной проблемой является и вклад И. И. Презента [1928], больше известного в качестве соратника Г. Д. Лысенко, в создание теории марризма. Не менее спорной является и проблема роли критиков марризма (особенно Е. Д. Поливанова) в развитии этого учения.

Базовый принцип марризма состоит в признании надстроечного и, следовательно, классового характера языка: «Язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени, потому и является “мощным рычагом культурного подъема”, что он – незаменимое орудие классового борьбы. Утверждаю с полным осознанием ответственности такого высказывания, расходясь коренным образом со многими моими товарищами, что нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым» [Марр 1934: 90–91]. Общество и язык всегда были классовыми, и классы наблюдаются у Марра во всей человеческой истории, начиная со «звуковой революции». Даже с точки зрения здравого смысла, тем более науки, выражения «классовость языка», «классовые языки», «идеологичность языка» бессмысленны, однако пафос 1920-х гг. перекрывал логику и здравый смысл.

Б. А. Серебренников раскрывает квазимарксистскую логику развития марровской концепции классовости языка: «Из тезиса “язык – надстройка” Марр делал далекоидущие выводы. Если язык надстройка, то его развитие целиком и полностью определяется развитием экономических формаций. Язык является классовым по своей природе, поскольку всякая надстройка классовая. Если мышление выражается при помощи языка, то, стало быть, и мышление человека является классовым. Развитие языка совершается путем скачков и взрывов, поскольку смена одной надстройки другой также представляет скачок» [Серебренников 1983: 194].

Марр не был «первооткрывателем» классовости языка: в советской научной мысли имелись и другие разработки этого рода. Например, идею о том, что язык – феномен классовый, отстаивали члены группы «Языкофронт», в частности Г. К. Данилов, автор работы «Язык общественного класса» (1929). Сверх того, и вопрос о приоритете Марра и – более широко – марризма в этой области не имеет однозначного ответа. Во всяком случае, с уверенностью можно сказать, что до распада «Языкофронта» понятия «марксистское языкознание» и «Новое учение о языке» не были тождественны.

Из положения о том, что язык – сущностно классовый феномен, что существуют только классовые языки, следовало отрицание существования национальных, общенародных языков. Такое понятие, как общенародный язык, было чуждо теории марризма. В формулировке С. И. Ковалева: «Яфетическая теория отбрасывает само понятие национального, внесловного, внеклассового языка как понятие ненаучное...» [Серебренников 1983: 116]. Общенародный язык отвергался как фикция – значит, русский язык не занимал сколь-либо заметного места в марризме. В «пролетарской философии» Марра роль русского языка не может быть выдающейся: это – рядовой язык.

Даже после войны марристы всерьез принимали догмы о едином пролетариате и о пролетарском интернационализме, в советском «государственном марксизме» давно превращенные в риторические формулы. Марристы не могли осознать, что «мировой пролетариат» уже не является центральным положением советского марксизма, что в конце 1940-х гг. говорить о будущем всемирном языке коммунизма, не рассматривая в качестве такового перспективно русский язык, общенародный язык общенародного Советского государства, в близкой перспективе – язык социалистического содружества, – значило противопоставлять свою концепцию Советскому государству.

Противоречия «Нового учения о языке» и советского «государственного марксизма»

И. В. Сталин начинает свою первую работу по языкознанию с резкого отбрасывания основных принципов марризма. На вопросы: «Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?» и «Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?» – он дает отрицательный ответ: «Язык порожден не тем или иным базисом... а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык» [Сталин 1953: 7].

Сталинская глорификация Советской державы, русского и советского народа, как уже было подчеркнута, связывалась с утвер-

ждением советского патриотизма, и в новой картине мира роль языка, конкретно русского, становится колоссальной. В биполярном мире русский язык не только потенциально, но и вполне реально являлся языком международного общения в рамках складывающейся социалистической цивилизации, то есть, в сталинской терминологии, имел статус зонального (язык противостоящего блока – английский – имел такой же статус). По словам известного идеолога тех лет М. Д. Каммари, «великий, могучий, свободный русский язык, язык народа, который первым проложил путь к коммунизму, язык Ленина и Сталина изучается с любовью всеми народами СССР, всеми народами, встающими на путь строительства социализма» [Каммари 1951: 66]. Принцип классовости языка при таком подходе может восприниматься в лучшем случае как анахронизм, реликт давно минувшей эпохи.

Советские идеологи прекрасно понимали происходящие в политической мысли изменения. Понимали это и советские лингвисты. В. В. Виноградов в работе «Великий русский язык» (1945) пишет: «Создание общего национального языка – важнейший этап в истории каждого народа. Только в таком языке нация получает средства для полного раскрытия своих духовных сил и возможностей и для широкого участия в мировом культурном движении» [Виноградов 1945: 9]. В работе 1944 г. под названием «Величие и мощь русского языка» читаем: «Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его самобытной национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы. Русский язык – это великий язык великого народа» [Его же 1944: 9].

Особое возмущение критиков марризма, прежде всего Сталина, вызывало логичное для этого течения с его надстроечным статусом языка, но воспринимающееся в позднем сталинизме как по сути противогосударственное положение о революционных изменениях в развитии русского языка, о необходимости «взрыва» последнего. Сам Н. Я. Марр с присущим ему радикализмом взывал к проведению языковой революции, утверждая, что «тут не о реформе письма или грамматики приходится говорить, а о смене норм языка, переводе его на новые рельсы действительно массовой речи. То, что нужно, это не форма, не реформа или новая декорация старого содержания, а... речевая революция, часть культурной революции, одна из существеннейших ее частей, она же – наиболее по-

казательное свидетельство творящих новый мир масс» [Марр 1936: 375–376].

При том, что к революционным изменениям языка действительность знаков не подавала, лингвисты-«взрывники» в стиле Марра продолжали говорить о революционных преобразованиях русского языка. Сталин отвергает подобные «предложения», одергивая «товарищей, увлекающихся взрывами». Недаром после дискуссии марристам стали приписывать планы уничтожения русского языка и замены его каким-то «пролетарским». Как пишет А. Е. Мординов, «“теория” дозвуковой, ручной речи, идеалистическое учение о “четырёх элементах”, являющихся якобы основой всех языков мира, учение об извечной классовости языка, отрыв языка от мышления, пренебрежение к существующему языку, к его грамматике, постоянные его призывы к “взрыву” языка, к языковой революции – все это привело Н. Я. Марра к его “теории” ликвидации языка вообще» [Мординов 1951: 284].

Марр в свое время возмущался тому, что «научное мышление лингвистов господствующей школы... доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь идет о русском или украинском – миража славянского “братства” и славянского “праязыка”), как изначальной основы в языкотворчестве каждого из входящих в это позднейшее речевое классовое содружество “народов”» [Марр 1935: 248]. Сам Марр практически не занимался проблемами славянских языков, но тем не менее его негативное отношение к идеям славянского единства и тем более праязыка было хорошо известно: в рамках марризма эти идеи были попросту немислимы и резко отрицались. Суть марризма в отношении к единству славян хорошо выражается стихами Маяковского: *«Не тратьте слова на братство славян. Братство рабочих и никаких прочих»* (курсив мой. – А. Н.). Если в 1930-х гг. такой подход был терпим, то после войны отрицание славянского языкового единства стало резко противоречить новым установкам и новой сталинской политике послевоенного обустройства мира, основанной на идеях утверждения единства славян, отчет которой правомерно вести с начала 1940-х гг. (при том, что некоторую реабилитацию панславистских идей можно констатировать и в конце 1930-х гг.).

Проведение славяноцентризма было невозможно без идейного обоснования единства славянских народов, а это единство истори-

чески фундировалось языковой общностью славян. Однако марризм с его нападками на концепции прародины славян и праславянского языка объективно стоял на пути развития этих тенденций, и его разгром был неизбежен также и по этим причинам. Хотя марристы и пытались как-то выйти из этого положения, смягчая свои антинародные формулировки, откорректировать марризм в целом, не изменяя кардинально его основных догм (то есть, по сути, ликвидируя это учение), было невозможно.

Заключение: причины разгрома марризма

Таким образом, вскрывается целый комплекс противоречий марризма с тем состоянием советской идеологии, которое сложилось к концу 1940-х гг. Весь ли этот массив противоречий в целом «сработал» против «Нового учения о языке» или же какое-либо конкретное положение стало непосредственной причиной для разворачивания цепи событий? Из всего вышесказанного, пожалуй, ясно, что такая постановка вопроса является тупиковой и будет больше похожа на гадание, – так что логично будет, вернувшись к постановке проблемы, сделанной в начале, ответить на те два вопроса, которые были сформулированы.

Почему марризм достаточно долгое время считался «марксизмом в языкознании», и это не вызывало каких-либо возражений; наоборот, марризму было позволено стать почти руководящим направлением в советской лингвистике? Дело прежде всего в амбивалентности советского «государственного марксизма», находящегося между государство- и народоцентризмом, с одной стороны, и отнюдь не потерявшим риторическую силу пролетарским интернационализмом – с другой. Советская идеология, далее, пребывала в состоянии становления, И. В. Сталин был склонен разбавлять марксизм руссоистскими концептами, но не заменять его руссоизмом. Третий момент состоит в том, что вождю не было в каждый момент и в целом до конца ясно направление развития советского «государственного марксизма», и подчас некоторые казавшиеся перспективными идейные инициативы пресекались, сводились на нет. Например, концепт бесклассового социалистического общества, который был озвучен на XVII конференции партии (1932) и который, как казалось, вскоре станет принципом идеологии, был к концу 1930-х гг. выведен из идейной ротации (марристы даже успели отреагировать: «В бесклассовом обществе нет классовых языков.

Мы находимся на пути создания первого *бесклассового языка*» [Деборин 1935: 63]). И это не говоря уже о метаниях и нерешительности касательно принципа всенародного государства, в результате чего Сталин так и не решился объявить СССР всенародным государством.

По какой причине марризм вдруг стал неприемлемым и нетерпимым, причем в такой степени, что Сталин не удовлетворился перепоручением его разгрома своим философским выдвиженцам, а лично организовал показательный «идейный процесс»? По всей видимости, дело не только в том, что количественно и качественно противоречия марризма вошли в высшую точку конфронтации с изменившейся обстановкой и идеологией, с политикой Советского Союза, в области внутренней направленной на усиление единства народа, а в области внешней – на усиление единства социалистического содружества. Суть дела заключена в необходимости именно показательного «идейного процесса» над теорией, выступающей за классовость языка и т. д., имеющего цель метафорически, но тем не менее в развернутом виде продемонстрировать то, что советская идеология не сводится к классовому подходу; что для нее приемлемы и даже необходимы принципы общенародного единства, дружбы народов, скрепленной не только «социалистическим выбором», но и общим происхождением, общностью славянского праязыка (отчасти даже и конфессиональной общностью). Показательность процесса требовалась еще и по той причине, что в советском народе по-прежнему была сильна инерция гиперболизированного «классового сознания» 1920-х гг.

Таким образом, не марризм стал нетерпимым, а скорее желание утвердить новые принципы и установки политики и политической мысли стало настоятельным. Но утвердить не прямым образом, а косвенным, посредством подчеркивания общенародности языка, отрицания его классовости, иронии и сарказма по отношению к тем, кто распространяет классовую точку зрения на все социальные феномены.

Исходя из этого, можно высказать предположение по вопросу о том, почему марристы, при всей очевидности серьезных политических изъянов их теории, в конце 1940-х гг. перешли в наступление, отчего не удовлетворились сохранением сложившегося равновесия сил. Вполне возможно, что резкое усиление давления на языковедов со стороны адептов марризма в 1949 г. осуществлялось от-

нюдь не по инициативе самих марристов, все же чувствующих свою уязвимость, а было специально спровоцировано, чтобы схизматизировать марризм для более успешного достижения целей лингвистической дискуссии, которая планировалась, возможно, в 1948 г., то есть до тех событий, которые принято считать предысторией дискуссии [см.: Чикобава 2002]. Настоящей предысторией были, возможно, совсем иные события и иные намерения.

Литература

Алпатов В. М. Марр, марризм и сталинизм // Подвластная наука? Наука и советская власть / сост., науч. ред. С. С. Неретина, А. П. Огурцов. М. : Голос, 2010. С. 441–467.

Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М. : УРСС, 2018.

Андреев А. П. Революция языкознания. Яфетическая теория академика Н. Я. Марра. М. : ЦК СЭСР, 1929.

Бернштейн С. Б. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2002.

Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка. М. : Правда, 1944.

Виноградов В. В. Великий русский язык. М. : ОГИЗ, 1945.

Виноградов В. В. Свободная дискуссия в «Правде» по вопросам языкознания и ее значение для дальнейшего развития советской науки о языке // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина / под ред. В. В. Виноградова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1950. С. 5–31.

Гаспаров Б. М. Марр и Соссюр: сто лет спустя // Вопросы языкознания. 2021. № 1. С. 104–120.

Деборин А. М. Новое учение о языке и диалектический материализм. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1935.

Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы). М. : Индрик, 2009.

Каммари М. Д. И. В. Сталин о марксизме в языкознании // Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» / под ред. Г. Ф. Александрова и др. М. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 40–72.

Косичев А. Д. Философия, время, люди. Воспоминания декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003.

Кузнецов П. С. Воспоминания // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 1. С. 155–250.

Март Н. Я. Избранные работы. Язык и общество. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1934. Т. 3.

Март Н. Я. Избранные работы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. Т. 5.

Март Н. Я. Избранные работы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. Т. 2.

Мординов А. Е. О развитии языков социалистических наций в СССР // Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» / под ред. Г. Ф. Александрова и др. М. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 281–311.

Презент И. Происхождение речи и мышления (К вопросу об их приоритете). Л. : Прибой, 1928.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М. : Индрик, 2004.

Серебрянников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М. : Наука, 1983.

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. М. : Госполитиздат, 1953.

Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М. : Прогресс-Традиция, 2006.

Цукерман И. И. Крупнейший советский языковед Н. Я. Март. М. : Изд-во АН СССР, 1950.

Чикобава А. С. Учение И. В. Сталина о языке как общественном явлении // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина / под ред. В. В. Виноградова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1950. С. 32–51.

Чикобава А. С. Как и когда это было // Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia, 2002. С. 507–512.

Шагинян М. Гидроцентральный. М. : Советский писатель, 1936.

Язык газеты. Практическое руководство и справочное пособие для газетных работников / под ред. Н. И. Кондакова. М.; Л. : Гослегпроиздат, 1941.